

ли разница. Память о Победе в России и о сталинских депортациях в Латвии служат сплочению и в то же время противостоянию (как внутреннему, так и внешнему). Коллективная терапия меньшинств на современном Западе приводит не только к усилению борьбы с традиционными иерархиями, но и к новым кровотечениям среди пациентов. Гражданская война в России остается значимой и одновременно неуловимой. «А вдоль дороги мертвые с косами стоят. И тишина...»¹.

С.М.: В начале 1980-х гг. в ФРГ в широкий научный и публицистический оборот было введено понятие «исторической политики»². Оно означало способ создания приемлемого для государства образа прошлого, желательно простого и непротиворечивого. Можем ли мы говорить о том, что в первой четверти XXI в. историческая политика совершает триумфальное шествие по планете? Или подобные практики имели место и в прошлом, с того момента, когда появилось государство и, соответственно, необходимость в его легитимации посредством обращения к историческому опыту? Если этот тезис верен, то в чем отличие новой волны исторической политики от прошлых практик?

Ю.С.: Образы прошлого гораздо старше государства. Все человеческие общества хранят свое прошлое, воспроизводят его в ритуалах и рассказывают о нем истории (которые принято называть «мифами»). Со временем усугубляется разделение труда, создаются новые образы, плодятся и сталкиваются специалисты (жрецы, поэты, пророки, летописцы, живописцы, чиновники), становится больше «политики». Споры о том, какие тексты должны войти в канон Сунны или, скажем, Нового Завета, – тоже своего рода историческая политика. Чем меньше согласия, устойчивости и авторитетов, тем больше политики. Нынешний период замечателен степенью вовлеченности государства (через систему образования и за ее пределами), отсутствием общепризнанного авторитета (на смену Богу пришла история, а у истории много авторов) и резким обострением международной и межобщинной конкуренции – в том числе за прошлое.

С.М.: В своей статье «СССР как коммунальная квартира»³ Вы пришли к выводу о том, что Советский Союз «был создан националистами» и «разрушен националистами». Есть ли, на Ваш взгляд, преемственность между «национал-коммунистическими дискурсами» истории и теми образами, которые сегодня активно тиражируются в постсоветских странах – Грузии, Молдавии, Украине, государствах Прибалтики?

Ю.С.: Грузия, Украина и прибалтийские государства не нуждались в советских дискурсах для создания продуктивных национальных идеологий. Молдавии они мало помогли. Но в целом – да, Советское государство способствовало консолидации национальных элит, мифологем и институций, проповедуя и одновременно ограничивая принцип этнической идентичности и автономии. Одним из следствий советской национальной политики является то обстоятельство, что

1 Цитата из популярного приключенческого фильма «Неуловимые мстители» (режиссер Э.Г. Кеосаян, киностудия «Мосфильм», 1966).

2 Frei, Norbert. *Politics of the Past: The Beginnings of the Federal Republic and the Nazi Past*. München: Dt. Taschenbuch-Verl, 2003 [In German].

3 Slezkine, Yuri. "The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism." *Slavic Review* 53, no. 2 (1994): 414–52.

все постсоветские государства придерживаются принципа эксклюзивной моноэтничности. Кроме России, которая пытается с переменным успехом совмещать идеологию «Русского мира» с риторикой многонациональности (как когда-то русскость с советскостью).

С.М. Ваша книга «Дом правительства»¹ вызвала широкий интерес как у профессиональных историков, так и публицистов. Известная исследовательница советской истории Ш. Фитцапатрик обратила особое внимание на описываемые Вами коллизии между марксистской теорией и российской политической культурой в широком смысле этого слова². На Ваш взгляд, что из советского наследия оказалось востребовано в современной России? И что, напротив, отправлено в архив или забыто? Ответ на этот вопрос представляет особый интерес в контексте дискуссий о «новой холодной войне», «ресоветизации», а также разговоров о повторном «закрытии железного занавеса»³.

Ю.С.: Если говорить о «новой холодной войне», то очевидно, что обеим сторонам удобнее подкрасить старые плакаты, чем рисовать новые. Тем более, что

Если определять «холодную войну» как идеологическое и геополитическое противостояние, не предполагающее прямого военного столкновения сверхдержав, то нынешний конфликт трудно назвать вторым изданием оригинала. Сегодня идеология вторична (и прозрачна), Россия не сверхдержава, а война все менее холодная.

пропаганда времен холодной войны включала в себя исторические генеалогии, выходящие далеко за рамки противостояния «социалистического лагеря» и «свободного мира» (русское рабство и авторитаризм с одной стороны и англо-американские империализм и лицемерие – с другой). Главное отличие заключается в том, что Россия не претендует на роль носителя универсальной идеологии, а Соединенные Штаты не могут решить, с кем и почему – в идеологическом смысле – они воюют. Трудно представить себе, что у борьбы «демократии» и «автократии» большое будущее. Если определять «холодную войну» как идеологическое и геополитическое противостояние, не предполагающее прямого военного столкновения сверхдержав, то нынешний конфликт трудно назвать вторым изданием оригинала. Сегодня идеология вторична (и прозрачна), Россия не сверхдержава, а война все менее холодная.

С.М.: Ваш коллега А. Миллер констатировал наступление «секьюритизации» политики памяти. «Раньше в разговоре с соседями о прошлом искали примирения. Теперь суть политики памяти понимается как непримиримое противостояние политических оппонентов, в котором один должен выиграть, а другой проиграть», – резюмировал он⁴. Насколько данный тренд в международных процессах необратим? И что

1 Slezkine, Yuri. *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2017.

2 Sheila Fitzpatrick, "Good Communist Homes," *London Review of Books*, July 2017, accessed September 14, 2022, <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v39/n15>.

3 Legvold, Robert. *Return to Cold War*. Cambridge: Polity, 2016.

4 Миллер, А.И. Враг у ворот истории. Как историческая память стала вопросом безопасности // Международный фонд «Карнеги». 5 марта 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/81207> (дата обращения: 14.09.2022).

должно произойти для его изменения? Наступление нового миропорядка? Новая Ялта или Хельсинки-2?

Ю.С.: Попытки сравнения и примирения – очень недавняя вещь. Гомера не интересовали наследники поверженных троянцев (если таковые имелись), Вергилий, ожививший троянцев, воспел их победу над обманутыми рутулами, а авторы еврейской Библии не жалели изгнанных из Ханаана гергесеев и иевусеев. Переписывание прошлого в зависимости от политической конъюнктуры распространилось в результате национализации и релятивизации истории в рамках светских систем «народного просвещения». Предки союзников превращались в друзей, предки конкурентов оставались (или становились) гергесеями и иевусеями. Одной из наиболее массивных кампаний такого рода было внедрение принципа «дружбы народов» в советской историографии. Сопоставимой с ней по масштабам и степени рефлексии стало ретроспективное примирение членов и кандидатов в члены Евросоюза. Насколько я могу судить, изменения последних лет вызваны конфронтацией с Россией (начавшейся задолго до нынешних событий на Украине) и растущей «феодальной раздробленностью» западноевропейских и североамериканских государственных нарративов. С трудом сшитое национальное прошлое снова рвется. Немцы и французы продолжают дружить, но кто такие сегодня «немцы» и «французы», и кто может говорить от их имени? С чего начинаются и где кончаются *the American people*? Национальный гамлетизм не распространяется на консолидированные восточноевропейские этнократии, но их дальнейшее существование зависит от настроения их патროнов, будущее которых более определено, чем их прошлое. Тут никакие «Хельсинки» не помогут.

Цитирование

Слёзкин, Ю. Образы прошлого в непредсказуемом настоящем // Международная аналитика. – 2022. – Том 13 (3). – С. 12–15.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-12-15>

For citation

Slezkine, Yuri. "The Images of the Past in the Uncertain Present."

Journal of International Analytics 13, no. 3. (2022): 12–15.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-12-15>